

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.5:004.9:330.34

JEL: F14, F17

Влияние цифровой трансформации на циклическую динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии**А.С. Тулупов**, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0001-8114-5460>; SPIN-код (РИНЦ): 9309-6975

Scopus author ID: 57195678332

e-mail: tul@bk.ru**К.Х. Зоидов**, к.ф.-м.н., доцент<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-код (РИНЦ): 2293-9802

Scopus author ID: 57190430349

e-mail: kobiljonz@mail.ru**Г.Г. Бобоев**, к.э.н.

SPIN-код (РИНЦ): 3058-0997

e-mail: boboev_g81@mail.ru**Ш.К. Кобил**, младший научный сотрудник ЦЭМИ РАН<https://orcid.org/0000-0002-4608-0734>; SPIN-код (РИНЦ): 8823-5926e-mail: shabnam.91@list.ru**Для цитирования**

Тулупов А.С., Зоидов К.Х., Бобоев Г.Г., Кобил Ш.К. Влияние цифровой трансформации на циклическую динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. - 2026. - № 2. - С. 222-239.

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-2-222-239**Аннотация**

В статье исследуется влияние цифровой трансформации на изменение внешнеторгового цикла России со странами Центральной Азии. **Цель работы.** В отличие от работ, в которых цифровизация рассматривается преимущественно как технологический фон, в настоящей статье она анализируется как институциональный механизм сокращения транзакционных издержек, стабилизации платежей, ускорения логистических решений и перестройки товарных потоков после внешних шоков. Эмпирическая часть построена на сопоставлении опубликованных данных о товарообороте России с Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном, а также на авторской матрице оценки влияния цифровых инструментов на фазы внешнеторгового цикла. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Показано, что цифровая трансформация не устраняет цикличность внешней торговли, но меняет ее форму: сокращает лаг адаптации, усиливает роль платформенных посредников, повышает значение электронного документооборота и переносит часть институциональных ограничений из сферы тарифов в сферу данных, платежной инфраструктуры и комплаенса. **Выводы.**

Практический результат исследования состоит в выделении цифровых контуров внешнеторговой устойчивости России и стран Центральной Азии.

Ключевые слова: цифровая трансформация, внешняя торговля, Центральная Азия, Россия, институциональная динамика, платежная инфраструктура, электронный документооборот, логистика, циклическая динамика.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-03190).

The impact of digital transformation on cyclical dynamics and evolutionary and institutional conditions of foreign trade relations between Russia and Central Asian countries

Alexander S. Tulupov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-8114-5460>; SPIN-code (RSCI): 9309-6975
Scopus author ID: 57195678332
e-mail: tul@bk.ru

Kobiljon Kh. Zoidov, Cand. of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-code (RSCI): 2293-9802
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.)
SPIN-code (RSCI): 3058-0997
e-mail: boboev_g81@mail.ru

Shabnam K. Kobil, Junior Researcher CEMI RAS
<https://orcid.org/0000-0002-4608-0734>; SPIN-code (RSCI): 8823-5926
e-mail: shabnam.91@list.ru

For citation

Tulupov A.S., Zoidov K.Kh., Boboev G.G., Kobil Sh.K. The impact of digital transformation on cyclical dynamics and evolutionary and institutional conditions of foreign trade relations between Russia and Central Asian countries // Market economy problems. - 2026. - No. 2. - Pp. 222-239 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-2-222-239

Abstract

The article examines the impact of digital transformation on the change in Russia's foreign trade cycle with Central Asian countries. **The purpose of the work.** In contrast to the works in which digitalization is considered primarily as a technological background, in this article it is analyzed as an institutional mechanism for reducing transaction costs, stabilizing payments, speeding up logistical decisions and restructuring commodity flows after external shocks. The empirical part is based on a comparison of published data on Russia's trade turnover with Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan, as well as on the author's matrix for assessing the impact of digital tools on the phases of the foreign trade cycle. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** The results show that digital transformation does not eliminate the cyclical nature of foreign

trade, but changes its form: it reduces the adaptation lag, strengthens the role of platform intermediaries, increases the importance of electronic document management, and shifts some of the institutional constraints from tariffs to data, payment infrastructure, and compliance. **Conclusions.** The practical result of the study is to identify the digital contours of the foreign trade stability of Russia and Central Asian countries.

Keywords: *digital transformation, foreign trade, Central Asia, Russia, institutional dynamics, payment infrastructure, electronic document management, logistics, cyclical dynamics.*

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 25-28-03190).

Введение

Внешнеторговые отношения России со странами Центральной Азии в 2022–2025 гг. развивались не как линейное расширение прежних связей, а как серия адаптационных циклов [1–7]. Первый цикл был связан с перераспределением товарных потоков после изменения санкционного режима и нарушения привычных логистических маршрутов. Второй цикл сформировался вокруг платежной перестройки и перехода к национальным валютам, корреспондентским схемам и более осторожному банковскому комплаенсу. Третий цикл связан с цифровизацией логистики, электронного документооборота, таможенного взаимодействия и торговых платформ. Именно третий цикл принципиален: он переводит внешнеторговую устойчивость из плоскости разовых политических соглашений в плоскость воспроизводимых процедур.

Центральная Азия в этой конфигурации выступает не периферийным направлением, а пространством институциональной перенастройки. Казахстан обеспечивает основной объем товарооборота и транспортно-логистическую связность; Узбекистан формирует быстрорастущий рынок промышленной и потребительской кооперации; Кыргызстан и Таджикистан усиливают значение платежных и миграционно-потребительских каналов; Туркменистан сохраняет энергетико-сырьевую специфику, но одновременно увеличивает значение транспортных и промышленных проектов. В результате цифровая трансформация становится не “надстройкой” над торговлей, а одним из условий ее циклической стабилизации.

Под цифровой трансформацией внешнеторговых отношений в статье понимается не только внедрение отдельных информационных систем, но и изменение правил сделки: от поиска контрагента и проверки происхождения товара до оформления перевозки, прохождения таможи, платежа, страхования, учета и последующего контроля. Такой подход важен для анализа России и стран Центральной Азии, поскольку после 2022 г. значительная часть издержек переместилась из сферы производства в сферу транзакционного сопровождения. Товар может быть произведен и востребован, но сделка срывается, если не работает платеж, отсутствует подтверждение происхождения, транспортный коридор не синхронизирован с таможенными процедурами или банк не принимает риски контрагента.

1. Опорные параметры товарооборота России со странами Центральной Азии в условиях цифровой трансформации

Мировая повестка цифровой торговли подтверждает этот сдвиг. UNCTAD в Digital Economy Report 2024 подчеркивает, что цифровизация ускоряет экономические процессы, но одновременно усиливает требования к инфраструктуре, данным и регулированию [9]. WTO в World Trade Report 2024 рассматривает торговлю как фактор включенности, однако показывает, что выгоды от открытости распределяются не автоматически и зависят от внутренних институтов [23–25]. OECD в исследовании цифровизации торговых документов фиксирует прямую связь между электронным документооборотом и сокращением административных барьеров [17]. Для России и Центральной Азии эти выводы имеют прикладной смысл: цифровые инструменты дают эффект только тогда, когда они встроены в банковские, таможенные, транспортные и правовые процедуры.

Таблица 1

Опорные параметры товарооборота России со странами Центральной Азии в 2024 г.

Страна	Товарооборот с Россией, 2024 г.	Динамика	Практическое значение для цифровой трансформации
Казахстан	свыше 2,6 трлн руб. / около 26,34 млрд долл.	рост к предыдущему периоду; в отдельных оценках около 3%	главный торговый и транзитный узел, высокая чувствительность к цифровой логистике и таможенному обмену [19]
Узбекистан	около 10 млрд долл.	+5,2%	рынок промышленной кооперации, продовольствия, потребительских товаров и региональных проектов [15]
Кыргызстан	3,89 млрд долл.	+25,3%	наиболее выраженный эффект расчетов, маркетплейсов и посреднических каналов [20]
Таджикистан	1,5 млрд долл.	+7,1%	высокая роль платежных каналов, денежных переводов и поставок потребительского назначения [21]
Туркменистан	свыше 1,6 млрд долл.	+58% за 7 месяцев 2024 г. к аналогичному периоду	энергетико-промышленная связка и потенциал проектных поставок [22]
Центральная Азия в целом	свыше 45 млрд долл.	около +20% по опубликованным оценкам	формирование регионального внешнеторгового контура России [13]

Данные таблицы 1 показывают, что цифровая трансформация влияет на разные страновые каналы неравномерно. Для Казахстана она прежде всего означает управление транзитом и таможенными данными; для Узбекистана – сопровождение кооперационных поставок и промышленной локализации; для Кыргызстана – платежную и платформенную инфраструктуру; для Таджикистана – расчеты, переводы и потребительский импорт; для Туркменистана – проектные цепочки и энергетическую логистику. Следовательно, цифровизация внешней торговли не может быть сведена к единой платформе: она требует набора страновых модулей.

Видно, что доминирование Казахстана сохраняется, но не исчерпывает всей структуры торговой перенастройки. С точки зрения циклической динамики важнее другое: страны с

меньшим абсолютным объемом торговли могут иметь более высокий адаптационный темп. Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан показывают, что после внешнего шока малые и средние каналы способны расти быстрее, если выполняют функцию обхода логистических и платежных задержек. Это не означает автоматической устойчивости, поскольку быстрый рост может быть связан с низкой базой, посредническими операциями и повышенными комплаенс-рисками. Однако именно такие каналы быстрее реагируют на изменение внешней среды (рис. 1 – рис. 2).

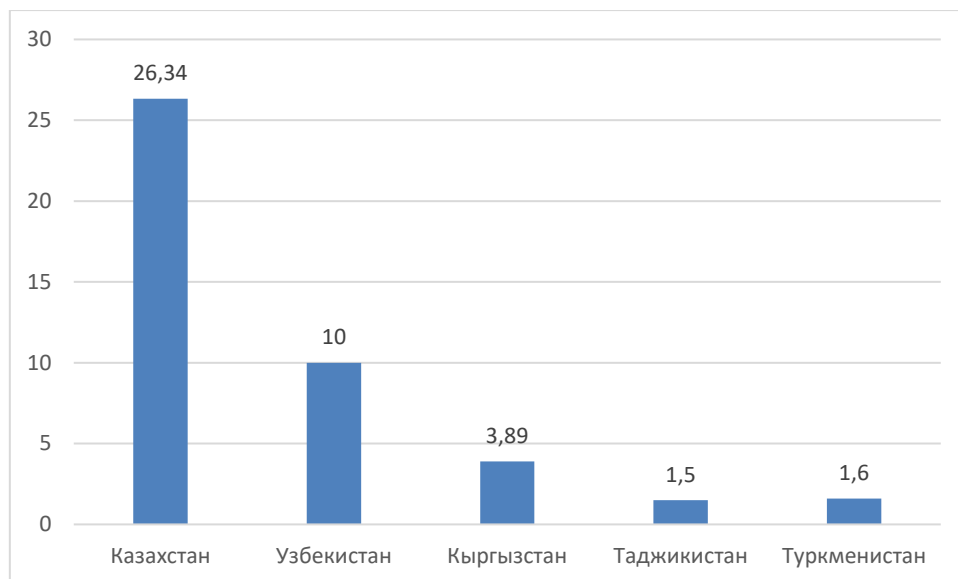

Рис. 1. Товарооборот России со странами Центральной Азии в 2024 г., млрд долл. США (составлено автором по опубликованным данным [13–22])

Рис. 2. Темпы роста торговли России с отдельными странами Центральной Азии в 2024 г. по опубликованным оценкам (составлено автором по [14–22])

2. Влияние цифровой трансформации и цифровых инструментов на фазы внешнеторговой циклической динамики России и Центральной Азии

Цифровая трансформация влияет на цикл через четыре практических механизма. Первый механизм – сокращение времени документального сопровождения сделки. Переход от бумажного пакета к электронным транспортным, таможенным и коммерческим документам

уменьшает не только прямые административные издержки, но и неопределенность исполнения контракта. Второй механизм – ускорение проверки контрагента и товара через цифровые следы, базы данных, маркировку, электронные сертификаты и историю поставок. Третий механизм – перестройка платежей, где цифровые банковские каналы и расчеты в национальных валютах снижают зависимость от долларовой инфраструктуры, но повышают требования к управлению санкционным и комплаенс-риском. Четвертый механизм – платформизация спроса: маркетплейсы и B2B-площадки позволяют быстро тестировать новые товарные ниши.

Таблица 2

Влияние цифровых инструментов на фазы внешнеторгового цикла

Фаза цикла	Типичный сбой без цифровизации	Цифровой инструмент	Измеримый эффект	Риск институционального смещения
Шок внешней среды	разрыв привычного маршрута и задержка платежа	быстрый поиск альтернативных маршрутов, цифровые реестры перевозчиков, онлайн-комплаенс	сокращение лага поиска контрагента с недель до дней	рост зависимости от качества данных
Перенастройка цепочки	дублирование документов и ручная сверка	электронные транспортные документы, ЭДО, предварительное информирование таможи	снижение доли ручных операций и повторных запросов	несовместимость национальных форматов
Ускорение оборота	кассовый разрыв из-за платежных задержек	расчеты в национальных валютах, цифровой банковский мониторинг	уменьшение платежного лага и валютного риска	усиление банковского комплаенса
Нормализация	закрепление временных посреднических схем	сквозная аналитика, оценка надежности поставщиков	отсев случайных контрагентов и стабилизация поставок	концентрация у крупных платформ
Новый цикл роста	слабая видимость спроса и запасов	B2B-платформы, маркетплейсы, цифровая маркировка	быстрое тестирование ниш и управление остатками	зависимость МСП от правил платформ

Таблица 2 показывает, что главный эффект цифровизации состоит не в «росте торговли вообще», а в сокращении времени перехода от шока к нормализации. Внешнеторговый цикл становится короче, но более требовательным к институциональному качеству: слабые таможенные интерфейсы, несогласованные форматы электронных документов или непрозрачные платежные процедуры способны обнулить технологический выигрыш.

В модели на рисунке 3 индекс устойчивости торгового потока не является статистикой международной организации, а используется как расчетная аналитическая шкала. Он показывает относительную способность торгового канала сохранять оборот, скорость и предсказуемость после шока. Цифровая связка не исключает падение в фазе шока, но повышает скорость

восстановления: если документы, платежи и логистика работают разрозненно, адаптация растягивается; если они синхронизированы, фаза «перенастройки» становится короче, а новый цикл роста начинается раньше.

Для России это особенно важно из-за изменения географии торговли. Переориентация с западных направлений на восточные и южные не является чисто географическим процессом. Она требует изменения институционального «протокола» сделки. Если раньше часть процедур была встроена в давно отлаженные европейские цепочки, то теперь их приходится собирать заново: договор, проверка товара, логистика, платеж, страхование, таможня, возврат документов, налоговый учет. Цифровая трансформация здесь выполняет роль инфраструктуры доверия, но только при условии правовой признаваемости электронных документов.

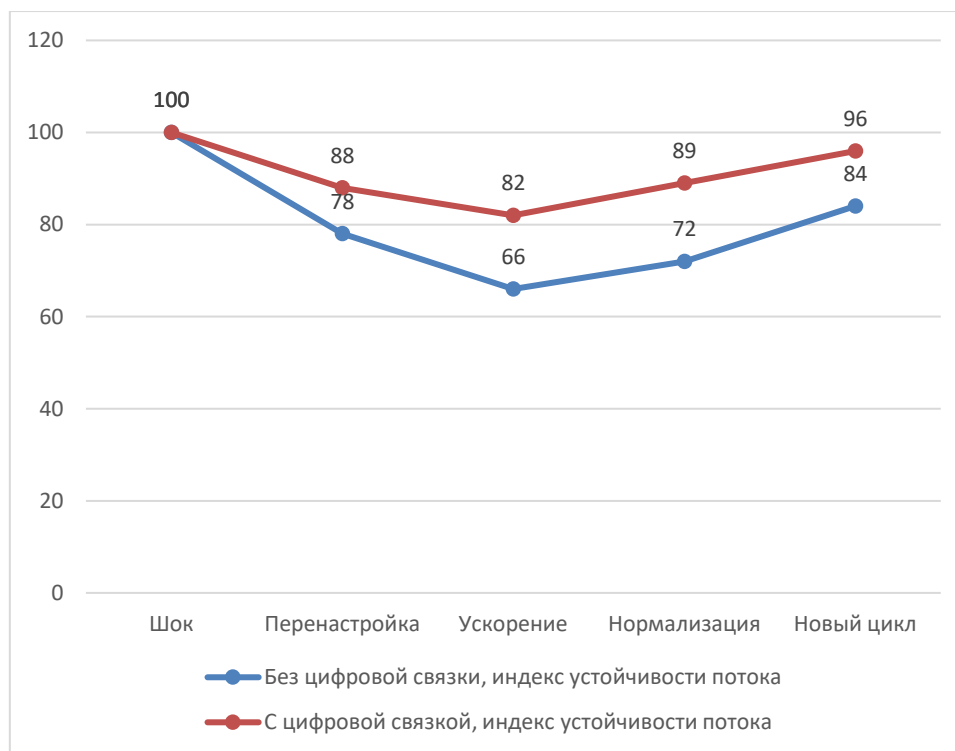

Рис. 3. Авторская модель сглаживания внешнеторгового цикла при использовании цифровой связки документов, платежей и логистики

Внешнеторговая динамика России и Центральной Азии имеет ярко выраженную циклическую природу. На первом этапе после шока возникает «избыточный спрос на обходные решения»: предприниматели ищут новые маршруты, банки тестируют платежные каналы, поставщики дробят партии. На втором этапе часть решений отбраковывается как дорогая или рискованная. На третьем этапе устойчивые маршруты закрепляются, и возникает новый нормальный уровень торговли. Цифровизация ускоряет этот процесс через снижение стоимости пробной сделки. Чем дешевле проверить контрагента, оформить документы и провести платеж, тем быстрее рынок находит новый маршрут.

В то же время цифровизация способна усиливать асимметрию между крупными и малыми участниками. Крупные компании быстрее подключаются к ЭДО, имеют ресурсы для комплаенса и могут работать с несколькими банками. Малый и средний бизнес чаще зависит от посредника, маркетплейса, агрегатора перевозок или платежного оператора. Поэтому цифровая трансформация не всегда демократизирует торговлю: она может создать новые «узкие места», если доступ к платформам становится платным, непрозрачным или регулируется в интересах ограниченного круга участников.

Таблица 3

Авторская оценка влияния цифровых узлов на устойчивость внешнеторгового цикла

Цифровой узел	Канал влияния на торговлю	Сила влияния, 1–5	Основной показатель контроля	Практический вывод для России и стран ЦА
Электронный документооборот	сокращение времени оформления, уменьшение повторной сверки	4	доля сделок с электронным пакетом документов	нужно взаимное признание форматов и электронных подписей
Цифровая таможня	предварительное информирование, риск-профили, выпуск до прибытия	5	среднее время прохождения контрольных процедур	приоритет для Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана как транзитных направлений
Платежная инфраструктура	снижение зависимости от внешних расчетных каналов	5	доля расчетов в национальных валютах и срок зачисления	необходимы устойчивые банковские коридоры без роста серых схем
Цифровая логистика	отслеживание груза, управление остатками, маршрутизация	4	доля перевозок с цифровым трекингом	критично для коридоров Север - Юг и Восток - Запад
Маркетплейсы и B2B-платформы	быстрый доступ к спросу и малым партиям	3	доля платформенных продаж во взаимной торговле	полезно для МСП, но требует регулирования платформенной зависимости

Наиболее сильными узлами оказываются цифровая таможня и платежная инфраструктура. Они не создают товар сами по себе, но определяют, состоится ли сделка в разумный срок. Поэтому для внешнеторговых отношений России и Центральной Азии ключевым становится не только развитие «цифровой экономики» в широком смысле, а сопряжение конкретных контуров: таможенного, банковского, транспортного и платформенного.

Эволюционно-институциональный аспект проблемы проявляется в том, что цифровые инструменты не внедряются в пустое пространство. Они накладываются на уже сложившиеся правила, административные практики и неформальные способы ведения бизнеса. В Казахстане институциональная база для цифровой логистики и таможенного взаимодействия относительно сильнее благодаря членству в ЕАЭС и более развитой транспортной инфраструктуре. В Узбекистане цифровизация ускоряет рыночную либерализацию, но сталкивается с необходимостью согласования реформ с промышленной политикой. В Кыргызстане эффект цифровизации высок, но повышены риски посреднической и реэкспортной зависимости. В Таджикистане цифровая трансформация тесно связана с платежами, миграционными доходами и малой торговлей. Туркменистан сохраняет более закрытую модель, поэтому цифровизация там имеет преимущественно проектно-инфраструктурный характер.

CAREC Trade Sector Progress Report and Work Plan 2024–2025 фиксирует, что в регионе продолжается работа по торговому содействию, региональным диалогам и практическим мерам

в рамках интегрированной торговой повестки CAREC [8]. Для исследуемой темы это важно потому, что цифровая торговля в Центральной Азии развивается не только через национальные реформы, но и через трансграничные программы. Однако региональные программы дают эффект только в случае операционной совместимости: если электронный документ признается одной стороной, но не признается другой, цифровой выигрыш исчезает.

Эта проблема хорошо видна на примере транспортных коридоров. Сам по себе коридор не равен устойчивой торговле. Устойчивость появляется тогда, когда груз движется не только физически, но и информационно: заранее известны отправитель, код товара, происхождение, маршрут, разрешения, страхование, платежные условия и конечный получатель. В таком случае таможня и банк видят не разрозненный набор бумаг, а связанный цифровой след сделки. Это снижает вероятность остановки груза, повторного запроса документов и внезапного отказа в платеже.

В условиях санкционной турбулентности цифровизация приобретает двойственный характер. С одной стороны, она повышает прозрачность, ускоряет контроль и снижает издержки добросовестных участников. С другой стороны, цифровой след делает операции более видимыми для банковского и внешнего комплаенса. Поэтому часть бизнеса может стремиться сохранить ручные или полуручные схемы. Это создает институциональный конфликт: государству и крупным компаниям выгодна прозрачность, малому посредническому сегменту иногда выгодна непрозрачность, а банкам выгодна предсказуемость риска. Согласование этих интересов и является центральным условием устойчивой цифровой трансформации внешней торговли.

Особую роль играет электронная торговля. Она меняет структуру внешнеторгового цикла, поскольку позволяет формировать спрос до завершения физической поставки. Раньше импортер должен был завезти крупную партию, разместить товар на складе и только потом оценивать продажи. В платформенной модели тестирование спроса возможно малыми партиями, предварительными заказами, аналитикой поисковых запросов и быстрым изменением ассортимента. Это снижает риск товарного цикла, но повышает зависимость от цифровых посредников и правил платформ.

Российские маркетплейсы и логистические сервисы уже выступают каналом расширения поставок товаров из стран Центральной Азии. Для Узбекистана это особенно важно в сегменте текстиля, продовольствия, товаров легкой промышленности и потребительских товаров. Для Кыргызстана важна связка платформенной торговли с малым бизнесом и реэкспортной логистикой. Для Казахстана платформенный канал дополняет промышленную и оптовую торговлю, но не заменяет ее. В этом смысле цифровизация меняет не только скорость сделки, но и масштаб партии: возрастает значение малых, частых и информационно управляемых поставок.

Таблица 4

Страновая матрица цифровой трансформации внешнеторговых отношений России и Центральной Азии

Страна	Доминирующий торговый канал	Главный цифровой рычаг	Главное институциональное ограничение	Рекомендуемый приоритет
Казахстан	промышленная торговля, транзит, энергетика, машины и оборудование	цифровая логистика, таможенный обмен, прослеживаемость	регуляторная асимметрия и риск перегрузки транзитной функции	сквозной цифровой коридор РФ - Казахстан - Китай / ЦА
Узбекистан	промышленная кооперация, продовольствие, потребительские товары	B2B-платформы, ЭДО, электронные сертификаты	разрыв между быстрыми реформами и административной практикой	единые цифровые паспорта поставщика и товара

Кыргызстан	малые партии, потребительский импорт, посреднические операции	маркетплейсы, платежные каналы, цифровая маркировка	комплаенс-риски и зависимость от реэкспорта	белые платформенные каналы для МСП
Таджикистан	потребительский импорт, переводы, трудовая миграция, малый бизнес	платежная инфраструктура и цифровые финансовые сервисы	узкая производственная база и банковская уязвимость	расширение расчетов и цифровой поддержки малых поставщиков
Туркменистан	энергетика, промышленно-проектные поставки	проектная логистика и цифровой контроль исполнения контрактов	закрытость статистики и ограниченная прозрачность процедур	цифровое сопровождение крупных контрактов и гарантий

Таблица 4 показывает, что универсальная цифровая повестка для региона невозможна. Для каждой страны необходим свой набор цифровых инструментов. Ошибка заключается в попытке заменить страновую институциональную специфику общими словами о цифровизации. Практически значимая цифровая трансформация должна начинаться с вопроса: какой именно сбой внешнеторгового цикла надо устранить в данной стране?

С точки зрения циклической динамики можно выделить три типа эффектов. Первый эффект – антишоковый: цифровые инструменты помогают быстрее найти замену маршруту, банку или поставщику. Второй эффект – стабилизационный: они уменьшают неопределенность после того, как новые каналы уже найдены. Третий эффект – селекционный: цифровая прозрачность постепенно вытесняет случайных посредников и закрепляет тех участников, которые способны работать в формализованных процедурах. Последний эффект особенно важен для эволюционно-институционального анализа, поскольку именно он меняет состав участников торговли.

Эволюционная логика заключается в отборе более устойчивых торговых практик. Внешний шок создает множество временных решений: часть компаний использует новые маршруты, часть – новые банки, часть – новые товарные схемы. Затем рынок отбирает те решения, которые дешевле, быстрее и юридически безопаснее. Цифровая трансформация ускоряет этот отбор, поскольку делает результаты сделок более наблюдаемыми. Поставщик, который регулярно срывает сроки или не подтверждает происхождение товара, быстрее теряет доверие. Перевозчик, который обеспечивает трекинг и цифровой документооборот, получает преимущество. Банк, который умеет проводить расчеты без избыточных задержек, становится элементом торговой инфраструктуры.

Однако цифровой отбор не всегда ведет к равновесию. Он может усиливать концентрацию: крупные платформы получают данные, банки получают контроль над платежными каналами, логистические операторы получают преимущества масштаба. Поэтому институциональные условия внешнеторговых отношений должны включать не только техническую совместимость, но и правила доступа. Иначе цифровизация приведет не к снижению транзакционных издержек для всех участников, а к перераспределению ренты в пользу инфраструктурных посредников.

Практический анализ внешнеторговой связки России и Центральной Азии позволяет выделить несколько критических институциональных условий. Первое – взаимное признание электронных документов и цифровых подписей. Второе – унификация базовых требований к электронным сертификатам происхождения, качеству и безопасности. Третье – развитие платежных каналов в национальных валютах с понятными правилами банковского комплаенса. Четвертое – цифровое сопровождение транспортных коридоров. Пятое – защита данных и прозрачные правила работы платформ. Без этих условий цифровизация останется набором несвязанных проектов.

3. Переход от проектного к контурному подходу цифровой устойчивости внешнеторговых отношений России и стран Центральной Азии

Для России цифровая трансформация внешней торговли с Центральной Азией должна рассматриваться как часть новой внешнеэкономической политики. Ее задача - не просто увеличить товарооборот, а сделать торговые потоки менее уязвимыми к шокам. Это требует перехода от проектного подхода к контурному: отдельно должны быть описаны контур платежей, контур логистики, контур документов, контур платформенной торговли и контур институционального контроля. Каждый контур имеет свои риски и свои показатели эффективности.

Таблица 5

Контурные цифровой устойчивости внешнеторговых отношений России и стран Центральной Азии

Контур	Что измеряется	Минимальный целевой результат	Риск при отсутствии контура	Институциональный инструмент
Платежный	срок платежа, доля расчетов в национальных валютах, доля отказов банка	сокращение задержек и предсказуемость расчетов	разрыв сделки после поставки или до отгрузки	межбанковские соглашения, комплаенс-карты
Документарный	доля электронных документов, число повторных запросов	однократный ввод данных для сделки	дублирование бумаг и рост административной ренты	взаимное признание ЭДО и ЭЦП
Таможенный	время выпуска, доля предварительного информирования	переход к риск-ориентированному выпуску	задержки на границе и непредсказуемость поставок	единые цифровые профили риска
Логистический	трекинг груза, время простоя, стоимость маршрута	снижение лагов перенастройки маршрутов	потеря контроля над сроками и запасами	цифровые коридоры и транспортные платформы
Платформенный	число поставщиков, доля малых партий, возвраты	рост доступа МСП к трансграничному спросу	платформенная монополизация	правила доступа, раскрытие комиссий
Аналитический	данные по товарным нишам, ценам и сбоям	быстрое выявление перегрева или просадки канала	управление по запаздывающей статистике	региональный мониторинг цифровой торговли

Содержание таблицы 5 можно использовать как основу для практической дорожной карты. Если государственная политика ограничивается только ростом цифровых сервисов, она не решает задачу устойчивости. Устойчивость появляется тогда, когда цифровой сервис превращен в признанное правило сделки и включен в межгосударственное взаимодействие.

Важным последствием цифровой трансформации является изменение формы внешнеторговых колебаний. В классической логике внешнеторговый цикл описывается через спрос, цены, курс, транспортные издержки и инвестиции. В современной логике к ним добавляются данные, цифровой доступ, платежная совместимость и алгоритмическое ранжирование контрагентов. Если страна имеет слабую цифровую инфраструктуру, она может

потерять часть торговли не из-за отсутствия товара, а из-за невозможности быстро подтвердить сделку. Таким образом, цифровая неготовность становится новой формой институционального барьера.

Для Центральной Азии этот вывод особенно значим. Регион получает выгоды от перенастройки российских торговых потоков, но эти выгоды могут оказаться временными, если не будут закреплены институционально. Посреднический рост без цифровой прозрачности порождает риски вторичных ограничений, банковских отказов и репутационных потерь. Напротив, цифровое оформление происхождения, маршрута и платежа позволяет превратить временную переориентацию в долгосрочную кооперацию.

Для России задача состоит в том, чтобы не воспроизводить зависимость от единичного партнера или маршрута. Цифровая трансформация позволяет выстроить распределенную систему внешней торговли: один товарный поток может идти через Казахстан, другой - через Узбекистан, третий - через Кыргызстан, четвертый - через связку Каспийского и южного направлений. Но распределенная система эффективна только при единой цифровой логике учета, платежей и контроля. Иначе диверсификация маршрутов превратится в рост хаоса.

С учетом изложенного цифровая трансформация внешнеторговых отношений России и Центральной Азии должна оцениваться не по количеству внедренных платформ, а по снижению транзакционного лага. Основной показатель - время от заключения контракта до получения оплаты и закрытия документов. Если цифровизация не сокращает этот интервал, она является формальной. Если сокращает, то она меняет цикл торговли и повышает устойчивость внешнеэкономической системы.

С учетом изложенного цифровая трансформация внешнеторговых отношений России и Центральной Азии должна оцениваться не по количеству внедренных платформ, а по снижению транзакционного лага. Основной показатель - время от заключения контракта до получения оплаты и закрытия документов. Если цифровизация не сокращает этот интервал, она является формальной. Если сокращает, то она меняет цикл торговли и повышает устойчивость внешнеэкономической системы.

Обобщая результаты, можно утверждать, что цифровая трансформация меняет внешнеторговые отношения России и Центральной Азии по трем направлениям. Во-первых, она сокращает адаптационный лаг после внешних шоков. Во-вторых, она усиливает роль институтов доверия: электронного документа, цифрового платежа, верифицированного поставщика, отслеживаемого маршрута. В-третьих, она создает новые центры силы в торговле - банки, платформы, логистические операторы и цифровые регистраторы данных.

В этом состоит отличие современного этапа от прежней модели внешнеторговой интеграции. Раньше ключевыми условиями были тарифы, соглашения, транспортная инфраструктура и политические договоренности. Сегодня эти условия сохраняют значение, но становятся недостаточными. Торговля требует цифрового подтверждения и цифровой исполнимости. Если цифровой контур слабый, даже выгодная сделка становится рискованной. Если контур сильный, торговля восстанавливается быстрее после шока и легче входит в новый цикл.

4. Страновые сценарии влияния цифровой трансформации на внешнеторговую цикличность и на карту институциональных рисков цифровизации внешнеторговых отношений

Практические рекомендации вытекают непосредственно из анализа. Для России целесообразно развивать не единый абстрактный «цифровой рынок» с Центральной Азией, а пять прикладных контуров: платежный, документарный, таможенный, логистический и платформенный. Для Казахстана приоритетом является сквозной цифровой транзит и снижение простоев. Для Узбекистана - цифровое сопровождение промышленной кооперации и подтверждение происхождения товара. Для Кыргызстана - легализация и прозрачность платформенных и реэкспортных каналов. Для Таджикистана - платежная устойчивость и цифровые сервисы для малого бизнеса. Для Туркменистана - цифровое сопровождение крупных проектных контрактов.

Таблица 6

Страновые сценарии влияния цифровой трансформации на внешнеторговую цикличность

Страна	Текущая роль в торговом цикле	Потенциальный цифровой выигрыш	Вероятный риск	Сценарий до 2030 г.
Казахстан	опорный транзитный и промышленный канал	сокращение логистического лага и повышение предсказуемости поставок	перегрузка транзитной инфраструктуры и регуляторная асимметрия	институционально устойчивый цифровой коридор
Узбекистан	растущий рынок кооперации и промышленного спроса	электронная сертификация и цифровое сопровождение цепочек добавленной стоимости	разрыв между реформами и практикой администрирования	рост совместных производственных цепочек
Кыргызстан	гибкий канал малых партий и реэкспортной торговли	легализация платформенной торговли и быстрые расчеты	комплаенс-риски и зависимость от посредников	переход от спонтанного роста к регулируемой платформенной модели
Таджикистан	потребительский и платежный канал	цифровые платежи и поддержка малого бизнеса	узкая производственная база и зависимость от переводов	умеренное расширение торговли при финансовой стабилизации
Туркменистан	проектно-энергетический канал	цифровой контроль крупных контрактов	закрытость процедур и статистики	точечные цифровые решения для крупных проектов

Таблица 6 усиливает прикладной вывод: цифровизация должна проектироваться по типу внешнеторгового цикла каждой страны. При одинаковом наборе технологий результат будет различным, потому что различаются товарная структура, институциональная среда, степень открытости и роль страны в маршрутизации потоков.

Таблица 7

Карта институциональных рисков цифровизации внешнеторговых отношений

Риск	Где возникает	Оценка значимости, 1–5	Как влияет на цикл	Мера снижения риска
несовместимость электронных документов	таможня, транспорт, банки	5	удлиняет фазу перенастройки и увеличивает число отказов	единый минимальный набор реквизитов и взаимное признание ЭЦП

платежный отказ или задержка	банковский контур	5	разрывает сделку даже при наличии товара и маршрута	предварительная комплаенс-проверка и карты допустимых операций
платформенная зависимость МСП	маркетплейсы и B2B-площадки	3	создает новый центр ренты и повышает комиссии	прозрачные правила доступа и раскрытие тарифов
непрозрачность происхождения товара	сертификация и маркировка	4	повышает риск вторичных ограничений и остановки груза	электронные сертификаты происхождения и цифровой след партии
фрагментация логистических данных	перевозчики, склады, границы	4	увеличивает простой и снижает управляемость запасов	сквозной трекинг и обмен данными между операторами
цифровое неравенство участников	малый бизнес и региональные поставщики	3	снижает инклюзивность торгового роста	субсидированное подключение МСП к ЭДО и платформам

Из таблицы 8 следует, что самые значимые риски связаны не с отсутствием технологий как таковых, а с отсутствием согласованных правил их применения. Поэтому цифровая трансформация внешней торговли должна рассматриваться как институциональная реформа: она требует правового признания, стандартизации данных, ответственности операторов и понятного распределения рисков между государством, бизнесом и финансовыми институтами.

В результате цифровая трансформация становится способом управления цикличностью. На стадии подъема она ускоряет расширение оборота, на стадии перегрева позволяет выявлять рискованные узлы, на стадии спада уменьшает потери за счет быстрого переключения маршрутов и контрагентов, а на стадии восстановления формирует новый набор устойчивых практик. Поэтому ее нельзя оценивать только через количество сервисов или объем ИТ-инвестиций. Более корректно оценивать, насколько цифровые инструменты сокращают длительность цикла и уменьшают амплитуду провала после шока.

Заключение

Прикладная модель для России и Центральной Азии может быть представлена как последовательность из пяти решений: единый цифровой профиль сделки; предварительная банковская и таможенная проверка; электронный пакет товаросопроводительных документов; цифровой трекинг маршрута; аналитическое закрытие сделки с фиксацией причин задержек. Такая модель не требует полного политико-правового слияния стран, но требует совместимости минимальных процедур. Именно этот минимальный процедурный уровень и должен стать основой новой внешнеторговой институционализации.

Наиболее вероятный сценарий до 2030 г. состоит не в создании единого цифрового пространства России и Центральной Азии, а в формировании нескольких совместимых коридоров. Один коридор будет связан с Казахстаном и Китаем, второй - с Узбекистаном и промышленной кооперацией, третий - с Кыргызстаном и малыми партиями, четвертый - с южными направлениями и проектной логистикой. Успешность каждого коридора будет определяться не протяженностью маршрута, а качеством цифрового сопровождения сделки.

Таким образом, содержательное ядро цифровой трансформации внешнеторговых отношений заключается в переводе доверия из персонально-договорного режима в процедурно-

цифровой режим. Это не отменяет значение личных связей и политических соглашений, но делает торговлю менее зависимой от них. Чем выше доля сделок, которые можно провести по понятному цифровому протоколу, тем устойчивее внешнеторговый цикл и тем ниже издержки адаптации к новым внешним ограничениям.

Литература

1. Бобоев Г.Г. Моделирование влияния эволюционно-институциональных основ обеспечения глобализации на процессы экономического роста России и стран Центральной Азии в условиях нестабильности / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова; д.э.н., профессора С.И. Борталевич. – М.: ИПР РАН, 2025. – 448 с.
2. Зоидов З.К. Повышение уровня экономической безопасности России в условиях цифровой трансформации экономики / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2019. – 113 с.
3. Зоидов К.Х. Математическая сигнатура как инструмент анализа устойчивости инновационных стратегий взаимодействия национальных экономик России и стран ШОС / Под ред. академика РАН В.Л. Макарова; чл.-корр. РАН А.Р. Бахтизина – М.: ЦЭМИ РАН, 2026. – 193 с.
4. Зоидов К.Х. Математическая сигнатура как метод прогнозирования и моделирования международных взаимодействий в инновационном пространстве ШОС / Под ред. академика РАН В.Л. Макарова; чл.-корр. РАН А.Р. Бахтизина – М.: ЦЭМИ РАН, 2026. – 237 с.
5. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
6. Зоидов К.Х. Эволюция теории трансформационной кризисной цикличности социально-экономических систем России и других стран постсоветского пространства / К.Х. Зоидов. – 2-е изд., исп., доп. и углублен. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2024. – 565 с.
7. Тулупов А.С., Зоидов К.Х., Бобоев Г.Г., Кобил Ш.К. Влияние санкционных процессов и глобальной нестабильности на циклическую динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. – 2026. – № 1. – С. 191-206.
8. CAREC Trade Sector Progress Report and Work Plan 2024–2025. – Asian Development Bank / CAREC, 2025. – URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-Trade-Sector-Report-TSR-Apr24-May25-1.pdf> (дата обращения: 24.04.2026).
9. Digital Economy Report 2024. Shaping an environmentally sustainable and inclusive digital future. – Geneva: UNCTAD, 2024. – URL: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024> (дата обращения: 24.04.2026).
10. Digital Trade for Development. – Washington, DC: World Bank, 2025. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
11. Eurasian Economic Commission. Digital agenda of the Eurasian Economic Union. – URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
12. Foreign Trade Turnover of the Republic of Uzbekistan, January–December 2024. – Statistics Agency under the President of the Republic of Uzbekistan, 2025. – URL: <https://stat.uz/> (дата обращения: 24.04.2026).
13. Putin urges Central Asian states to step up trade with Russia // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/putin-urges-central-asian-states-step-up-trade-with-russia-2025-10-09/> (дата обращения: 24.04.2026).
14. Russia, Turkmenistan Trade Up 58% in 2025 // Russia's Pivot to Asia. – 2025. – URL: <https://russiaspivottoasia.com/russia-turkmenistan-trade-up-58-in-2025/> (дата обращения: 24.04.2026).
15. Russia, Uzbekistan boost trade turnover 5.2% to \$10 bln in 2024 // Interfax. – 2025. – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110278/> (дата обращения: 24.04.2026).

16. Russia-Kazakhstan trade turnover surpasses \$26.34 bln in 2024 // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1906235> (дата обращения: 24.04.2026).
17. The digitalisation of trade documents and processes. OECD Trade Policy Paper No. 297. – Paris: OECD Publishing, 2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-digitalisation-of-trade-documents-and-processes_64872f25-en.html (дата обращения: 24.04.2026).
18. Trade Facilitation and Paperless Trade Implementation in CAREC Countries. – CAREC Institute / ESCAP, 2024. – URL: <https://www.carecinstitute.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
19. Trade turnover between Russia and Kazakhstan grows to US\$28 billion // TV BRICS. – 2025. – URL: <https://tvbrics.com/en/news/trade-turnover-between-russia-and-kazakhstan-grows-to-us-28-billion> (дата обращения: 24.04.2026).
20. Trade turnover between Russia, Kyrgyzstan up by more than 25% in 2024 to \$3.89 bln // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1995181> (дата обращения: 24.04.2026).
21. Trade turnover between Russia, Tajikistan reach \$1.5 bln // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1929321> (дата обращения: 24.04.2026).
22. Trade turnover between Turkmenistan, Russia up 58% in 7 months of 2024 // TASS. – 2024. – URL: <https://tass.com/economy/1864805> (дата обращения: 24.04.2026).
23. World Development Report 2024. The Middle-Income Trap. – Washington, DC: World Bank, 2024. – URL: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
24. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. – Geneva: ILO, 2021. – URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
25. World Trade Report 2024. Trade and inclusiveness: how to make trade work for all. – Geneva: WTO, 2024. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm (дата обращения: 24.04.2026).

References

1. Boboev G.G. Modeling the impact of the evolutionary and institutional foundations of globalization on the processes of economic growth in Russia and Central Asian countries in conditions of instability / Under the editorship of PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. Doctor of Sci. (Econ.), Professor S.I. Bortalevich. – M.: MEI RAS, 2025. – 448 p.
2. Zoidov Z.K. Increasing the level of economic security of Russia in the conditions of digital transformation of the economy / Under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2019. – 113 p.
3. Zoidov K.Kh. Mathematical signature as a tool for analyzing the sustainability of innovative strategies for interaction between the national economies of Russia and the SCO countries / Edited by Academician of the RAS V.L. Makarov; Corresponding Member of the RAS A.R. Bakhtizin – M.: CEMI RAS, 2026. – 193 p.
4. Zoidov K.Kh. Mathematical signature as a method of forecasting and modeling international interactions in the SCO innovation space / Edited by Academician of the RAS V.L. Makarov; Corresponding Member of the RAS A.R. Bakhtizin – M.: CEMI RAS, 2026. – 237 p.
5. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
6. Zoidov K.Kh. The evolution of the theory of transformational crisis cyclicity of the socio-economic systems of Russia and other post-Soviet countries / K.Kh. Zoidov. – 2nd edition, corrected, expanded and in – depth / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2024. – 565 p.
7. Tulupov A.S., Zoidov K.Kh., Boboev G.G., Kobil Sh.K. The influence of sanctions processes and global instability on cyclical dynamics and evolutionary and institutional conditions of foreign trade relations between Russia and the countries of Central Asia // Problems of market economy. - 2026. - No. 1. - pp. 191-206.

8. CAREC Trade Sector Progress Report and Work Plan 2024–2025. – Asian Development Bank / CAREC, 2025. – URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-Trade-Sector-Report-TSR-Apr24-May25-1.pdf> (дата обращения: 24.04.2026).
9. Digital Economy Report 2024. Shaping an environmentally sustainable and inclusive digital future. – Geneva: UNCTAD, 2024. – URL: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024> (дата обращения: 24.04.2026).
10. Digital Trade for Development. – Washington, DC: World Bank, 2025. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
11. Eurasian Economic Commission. Digital agenda of the Eurasian Economic Union. – URL: <https://eec.eaunion.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
12. Foreign Trade Turnover of the Republic of Uzbekistan, January–December 2024. – Statistics Agency under the President of the Republic of Uzbekistan, 2025. – URL: <https://stat.uz/> (дата обращения: 24.04.2026).
13. Putin urges Central Asian states to step up trade with Russia // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/putin-urges-central-asian-states-step-up-trade-with-russia-2025-10-09/> (дата обращения: 24.04.2026).
14. Russia, Turkmenistan Trade Up 58% in 2025 // Russia's Pivot to Asia. – 2025. – URL: <https://russiaspivottoasia.com/russia-turkmenistan-trade-up-58-in-2025/> (дата обращения: 24.04.2026).
15. Russia, Uzbekistan boost trade turnover 5.2% to \$10 bln in 2024 // Interfax. – 2025. – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110278/> (дата обращения: 24.04.2026).
16. Russia-Kazakhstan trade turnover surpasses \$26.34 bln in 2024 // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1906235> (дата обращения: 24.04.2026).
17. The digitalisation of trade documents and processes. OECD Trade Policy Paper No. 297. – Paris: OECD Publishing, 2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-digitalisation-of-trade-documents-and-processes_64872f25-en.html (дата обращения: 24.04.2026).
18. Trade Facilitation and Paperless Trade Implementation in CAREC Countries. – CAREC Institute / ESCAP, 2024. – URL: <https://www.carecinstitute.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
19. Trade turnover between Russia and Kazakhstan grows to US\$28 billion // TV BRICS. – 2025. – URL: <https://tvbrics.com/en/news/trade-turnover-between-russia-and-kazakhstan-grows-to-us-28-billion> (дата обращения: 24.04.2026).
20. Trade turnover between Russia, Kyrgyzstan up by more than 25% in 2024 to \$3.89 bln // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1995181> (дата обращения: 24.04.2026).
21. Trade turnover between Russia, Tajikistan reach \$1.5 bln // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.com/economy/1929321> (дата обращения: 24.04.2026).
22. Trade turnover between Turkmenistan, Russia up 58% in 7 months of 2024 // TASS. – 2024. – URL: <https://tass.com/economy/1864805> (дата обращения: 24.04.2026).
23. World Development Report 2024. The Middle-Income Trap. – Washington, DC: World Bank, 2024. – URL: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
24. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. – Geneva: ILO, 2021. – URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 24.04.2026).
25. World Trade Report 2024. Trade and inclusiveness: how to make trade work for all. – Geneva: WTO, 2024. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm (дата обращения: 24.04.2026).

Об авторах

Тулупов Александр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Зоидов Кобилжон Ходжиевич, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории моделирования евразийской интеграции и

мирохозяйственных процессов, руководитель Международного отдела, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Кобил Шабнами Кобилджоновна, младший научный сотрудник Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

About authors

Alexander S. Tulupov, Doctor of Sci (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Kobiljon Kh. Zoidov, Candidate of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor, Head of the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), PhD candidate at the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Shabnam K. Kobil, Junior Researcher at the Laboratory for computer modeling of socio-economic processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.